

Литвиновская Ю. И. Тенденции в настроениях дворянства Беларуси накануне войны 1812 г. / Ю. И. Литвиновская // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 6 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2011. — С. 59–66.

Ю. И. ЛИТВИНОВСКАЯ

ТЕНДЕНЦИИ В НАСТРОЕНИЯХ ДВОРЯНСТВА БЕЛАРУСИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ 1812 Г.

Непростые отношения между Россией и Францией еще в большей степени осложнились после подписания в 1807 г. Тильзитского мира и вынужденного присоединения России к континентальной блокаде. Обе стороны деятельно готовились к новой войне. Для российского общества начавшийся 1812 г. протекал в тревожных ожиданиях предстоящего столкновения.

Дворянство Беларуси, польское по происхождению, или ополяченное, а оно составляло примерно 6,17 % населения края, т. е. около 90 тыс. душ мужского пола [7, с. 163], внимательно следило за событиями, разворачивающимися на границах России, ожидая вторжения армии Наполеона. «Как верный подданный, — доносил один из резидентов барон Розен министру полиции А. Д. Балашову 7 (19) сентября 1811 г., — я могу под присягою уверить, что во время пребывания моего в Литве я везде находил поляков недоброжелательствующими России» [6, с. 27].

Образование в 1807 г. Великого герцогства Варшавского посеяло надежду на восстановление Наполеоном Польского королевства. Вместе с тем следует отметить, что среди дворянства Беларуси накануне войны не было единства в политических настроениях. Часть аристократов и крупных землевладельцев — М.-К. Огинский, Ф.-К. Друцкий-Любецкий, Л. Пляттер, К. Сулистровский, Л.-М. Ракицкий, Т. Вавжецкий — связывали свои надежды на восстановление элементов литовской государственности в союзе с Россией, во главе с Александром I. Большинство же представителей родовой аристократии — Л.-М. Пац, А. Сапега, Д. и М. Радзивиллы, Р. Гедройц, С. Солтан, К. Прозор, Т. и С. Тышкевичи, И. Тизенгауз, А. Хадкевич, Ф. Потоцкий, — а также демократически настроенные шляхетские, мещанские и интеллигентские круги ориентировались на Наполеона и герцогство Варшавское. Это особенно характерно было для большинства шляхетской молодежи, которая, несмотря на запреты, репрессивные меры (секвестры и конфискации имений),

Літвіноўская Юлія Іванаўна — дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі, кандыдат гістарычных навук

эмигрировала в герцогство и поступала служить в польские войска. Так, в принадлежавшем князю Радзивиллу Несвиже, где всегда наблюдалось скопление дворян, уже не было столь многолюдно. Сам князь, оставив в имении с кормилицей и двумя нянями малолетнюю дочь и предварительно отправив в Варшаву своего представителя с 10 тыс. червонцев, отбыл в герцогство, захватив с собой до тысячи шляхтичей и столько же лошадей, а также деньги, серебряные сервизы и все драгоценности. Много молодых людей последовало его примеру [6, с. 27].

В конце июня 1811 г. министр полиции направляет в западные губернии для сбора информации и выяснения обстановки действительного статского советника Кржижановского под предлогом осмотра заведений, состоящих в ведении приказов общественного призрения и полиции. Посетив Минскую, Гродненскую, Виленскую и другие губернии, он информировал руководство министерства полиции, что повсеместно дворянство отказывается служить. Российские подданные получают бессрочные паспорта и, «пользуясь таковым отпуском, увозят за границу наличную монету, отчего ощутительный в крае здешнем недостаток в звонкой монете» [6, с. 23].

Кржижановский доносил, что помещики часто ездят в Варшаву, получают там наставления, собирают политические известия и затем возвращаются домой, где ведут соответствующие разговоры, будоражившие жителей. В результате, по его словам, поветы Вилейский, Речицкий, Слуцкий, Мозырский и Пинский поголовно являлись неблагонадежными и готовы были поднять оружие против России [6, с. 23, 27].

Пользуясь всеобщим брожением, ксендзы и монахи произносили в костелах проповеди, в которых восхваляли Наполеона. Это оказывало большое влияние на население [6, с. 26].

Присоединенная к России в 1807 г., по условиям Тильзитского мирного договора, Белостокская область в результате необорудованности границы превратилась в удобный коридор для связей жителей герцогства Варшавского с поляками, жившими в России. По нему в герцогство беспрепятственно переправлялись большие партии продовольствия и скота. «...Многие лица, увлекаемые жаждою наживы, доставляли французской армии провиант», — отмечалось в полицейских сводках [10, с. 226]. В больших количествах

закупались лошади. Некоторые полки формирующейся кавалерии были сплошь на русских лошадях [6, с. 24]. Через Белостокскую область в Россию проникали и французские разведчики. У властей вызывало подозрение появление в Минске, Могилеве и других городах в большом количестве комедиантов, фокусни-

ков, учителей, художников, лекарей, странствующих монахов. В Минской губернии вдруг появилось множество землемеров (коморников), которые занимались топографическими работами [6, с. 24]. Их задачи заключались не только в сборе разведывательных сведений, изучении особенностей театра будущих военных действий, но и в осуществлении масштабной агитационной работы среди местного населения. Они разъезжали по помещичьим усадьбам и экономиям, устанавливая контакты с землевладельцами, поселялись в крупных городах под предлогом торговли и личных дел. Помещиков-поляков убеждали воздерживаться от уплаты налогов и разных сборов, укрывать от русских властей продовольствие и фураж и придерживать все для будущего избавителя от русского гнета. Белорусским крестьянам внушалась мысль об улучшении их участи с приходом наполеоновской армии [13, с. 11—13]. В документах за 1810—1812 гг. упоминается 98 разыскиваемых лиц, задержанных французскими службами, а всего до и во время войны было задержано 39 агентов [4, с. 25].

В этих условиях правительство усиливает надзор за населением западных губерний. Накануне отъезда Александра I в Вильно, 21 марта (2 апреля) 1812 г., последовал указ министру полиции, которым ему поручалось усилить наблюдение за жителями пограничных губерний. «Обстоятельства нашего времени, — сказано в указе, — требуют, дабы обращено было особенное внимание на правила и образ мыслей помещиков и других обывателей пограничных губерний, не весьма давно к России присоединенных» [6, с. 227]. Из губерний Беларуси под особый контроль попадали Гродненская и Минская. Гражданским губернаторам поручалось незамедлительно подготовить и отправить в Петербург списки ненадежных лиц, разделенные на две части — «сомнительные» и «совершенно подозрительные». Местные власти должны были «иметь неусыпное за ними наблюдение» и «доносить при каждом замеченном случае» неблагонадежности поведения [6, с. 227].

Информация правительству стала поступать тотчас же. В начале апреля волынский губернатор донес, что, по его сведениям, «склонных и готовых к возмущению наиболее в <...> Литовских губерниях, а отчасти и в Минской» [6, с. 227]. Гродненский гражданский губернатор В. С. Ланской 13 (25) апреля докладывал министру полиции, что в губернии пока все тихо и спокойно, но в случае отступления русских войск «все против нас восстанет со всех сторон» [6, с. 229]. Литовский военный губернатор А. М. Римский-Корсаков 21 апреля (3 мая) сообщал, что из дворян его губерний большая часть не расположена к России,

особенно склонна к возмущению молодежь, «положиться на кого (либо) я бы не советовал», — заключал он [6, с. 229—230].

15 (27) апреля 1812 г. ситуацию в пограничных губерниях рассматривал Комитет министров. Признав, «что нужно дать пограничным губернаторам более способов действовать при настоящих обстоятельствах», Комитет предоставил им, по существу, неограниченные полномочия, посчитав «нужным подтвердить <...> чтобы они, в случае нужды, употребляли все те способы, какие к прекращению зла потребны будут». В местных казенных палатах губернаторам открывался специальный кредит до 10 тыс. руб., распоряжаться которым они могли по своему усмотрению «на приобретение доверия и способов к узнанию злонамеренных и их покушению». С этой же целью губернаторам позволялось «делать обещания монарших наград». О ситуациях в губерниях и всех проводимых мероприятиях Комитет министров обязывал губернаторов еженедельно докладывать министру полиции и главнокомандующему в Санкт-Петербурге [6, с. 228—229].

Политическая агитация будущего противника царской власти беспокоила больше, чем его чисто разведывательная деятельность. 26 мая (7 июня) 1812 г. военный министр и командующий 1-й Западной армией М. Б. Барклай де Толли пишет в секретном послании литовскому военному губернатору А. М. Римскому-Корсакову: «Государь император высочайше повелеть соизволил обратить без малейшей огласки бдительное внимание, не имеются ли у кого какие-либо неприличные объявления, письма из-за границы и тому подобные бумаги, и буде где таковые окажутся, доставя их сюда, принять строгие меры, чтобы оне не распространялись» [2, ч. 2, с. 23].

13 (25) мая директору военной полиции при военном министерстве вменяется в обязанность надзор в губерниях, где располагаются обе Западные армии, за выходцами из других мест, иностранцами, и вообще сомнительными людьми, а также наблюдение за различными, обращающимися среди населения, информационно-пропагандистскими листками [2, ч. 2, с. 24].

Однако попытки правительства поставить заслон французской пропаганде в Беларуси были малоэффективными. Тем более что она находила здесь благоприятную почву. Дворянство Беларуси, в большинстве своем, с явными симпатиями относилось к Франции и ее императору. И незадолго до начала войны армейское руководство пытается спланировать некоторые меры предупредительного характера. 31 мая (12 июня) главнокомандующий 2-й Западной армией князь П. И. Багратион по-

требовал от гродненского гражданского губернатора В. С. Ланского в срочном порядке представить ему списки чиновников, знакомых с особенностями продовольственного обеспечения губернии. Багратион опасался, что эти специалисты могут поделиться своими знаниями с неприятелем и будут использованы им для формирования налоговой политики и определения размеров реквизиций. Генерал предложил губернатору под благовидным предлогом изъять из государственных учреждений и частновладельческих имений инвентарь, крестьянские ревизские списки, сведения о численности населения, дорогах, всякого рода сборах и другие документы, с помощью которых можно определить экономический потенциал губернии. Списки чиновников необходимы были армейскому командованию для вывоза их, независимо от согласия, во внутренние губернии России, в случае отступления русских войск [2, ч. 2, с. 35—37].

В. С. Ланской был в ужасе от предложения военных. Он немедленно пишет литовскому военному губернатору о невозможности их выполнить. Ведь большинство чиновников государственных учреждений и местных помещиков — поляки. Изъятие документов приведет к их сокрытию, вызовет массовое недовольство, резкий всплеск антиправительственных, антирусских настроений [2, ч. 2, с. 39—40].

С серьезными трудностями встретилась реализация идеи военного министра М. Б. Барклая де Толли о создании подвижных магазинов, т. е. передвигавшихся вслед за армией складов с продовольствием и фуражом. Дворянство Беларуси, по различным соображениям, в том числе и политического характера, было мало склонно расставаться с единственным для большинства источником дохода и существования. Да и платили за это не серебряными деньгами, а облигациями и ассигнациями, курс которых постоянно падал. И землевладельцы, сколько был, возможно, оттягивали поставку требуемого продовольствия.

Русские войска, выдвигавшиеся к западным границам империи, встретились с трудностями снабжения зимой — весной 1812 г. [12, с. 25]. Положение не изменилось и к началу июня 1812 г. «...Успехи чрезвычайно малы», — констатирует военный министр и требует от А. М. Римского-Корсакова принять самые жесткие меры, с тем чтобы «сильнейшим образом понудить к самоскорейшему и неременному взносу ожидаемого от земли хлеба и других предметов продовольствия, а ежели то нужно, употребить строжайшую военную экзекуцию» [2, ч. 1, с. 54].

Резко негативную реакцию помещиков вызвало требование военного ведомства предоставить для военных перевозок хороших лошадей

и молодых крестьян, не старше 50 лет, в качестве погонщиков. Даже в мирное время далеко не всегда и лошади, и крестьяне возвращались обратно. Землевладельцы западных губерний, не желая расставаться ни с добротными лошадьми, ни с работоспособными крепостными, обратились к армейскому командованию со встречным предложением — за счет казны нанять 2000 русских извозчиков [2, ч. 1, с. 57].

Дворянство Беларуси, накануне франко-русской войны, насколько это возможно было сопротивлялось военным требованиям правительства. У властей возникли даже проблемы с подбором кандидатов на должности в поветовые и губернские учреждения по выполнению военных требований. Каждый кандидат должен был приносить присягу. Местные помещики под разными предлогами, большей частью это была болезнь, отказывались от «почетных» обязанностей в государственных учреждениях. На самом деле осуществлялся тихий саботаж правительственных мероприятий со стороны сполонизированных белорусских помещиков [9, л. 25, 29, 37, 51]. В докладах же губернаторов царю неизменно отмечалось, что его подданные с готовностью принялись исполнять все повинности.

Стремясь выправить экономическую ситуацию, в большей степени привлечь на свою сторону местную шляхту и одновременно решить главный вопрос — наполнение армейских магазинов накануне войны, царское правительство в апреле 1812 г. уравнивает западные губернии с остальными губерниями России в отношении податей: вместо различных сборов серебром вводилась, принятая в российских губерниях, общегосударственная подушная подать ассигнациями [8, л. 74]. При этом подати разрешалось выплачивать не деньгами, а зерном. Эта мера, представленная как льгота для землевладельцев, должна была способствовать также неуклонному поступлению продовольствия на военные склады [15, с. 6]. Но в то же время, испытывая острые финансовые затруднения, в апреле 1812 г. правительство принимает и довольно непопулярное решение об установлении «временного сбора с помещичьих доходов» по добровольному их объявлению [8, л. 11, 62].

Переход армии Наполеона через Неман и начало войны вызвали в среде господствующего класса России — смятение, уныние и отчаяние, но вместе с тем имела место страшная ненависть русского дворянства к Наполеону, «...к этому “исчадию” французской революции» [14, с. 24].

В отличие от коренной России в Беларуси симпатии господствующего сословия и всего того, что тяготело к нему из материальных соображений, было на стороне противника России — Наполеона. «Поляки

нисколько не бояться вторжения французов в Россию; они им даже довольны, и сколько заметить можно было, и наши хозяева разделяют мысли и желания всей нации, — писал офицер отступающей русской армии о своих наблюдениях. — Ни одного слова никто не промолвил нам о бедствиях, постигших наше любезное отечество» [11, с. 10, 23].

Практически повсеместно изменилось отношение местного населения, и в особенности дворянства, к русским. Молодежь повсюду ведет «непозволительные разговоры, к вреду нашему и нам в брань», — докладывал генерал С. М. Каменский командующему 3-й армией генералу А. П. Тормасову [5, с. 135—136].

Дворянство Беларуси имело свои планы и надежды, связанные с этой войной. 16 (28) июня 1812 г. собравшийся в герцогстве Варшавском сейм провозгласил себя Генеральной Конфедерацией Польши, а Польское Королевство восстановленным. Все части бывшего польского государства приглашались присоединиться к конфедерации [2, с. VI]. Генеральная конфедерация приняла воззвание к гражданам бывшей Речи Посполитой, состоявшим на военной и гражданской службе русского правительства, призывая их обратить свои усилия против России. «Внемлите голосу вашего сердца, — говорилось в воззвании, — и вы услышите голос, который скажет, что нет большего позора, чем служить в рядах тех, кто растерзал вашу родину и обагрил ее вашею кровью. Обратите оружие против ваших притеснителей» [1, с. 57—59]. Все они призывались покинуть службу в русской армии и администрации. Этот призыв нашел положительный отклик и в Беларуси.

Дворянство Беларуси, мечтавшее о восстановлении Речи Посполитой, искренне верило, что это главный вопрос, ради которого Наполеон ведет войну с Россией. Они восторженно встретили французскую армию и, всячески стремясь оказать ей содействие, включились в работу созданных французами новых органов власти, губернских и повтовых комиссий, городских магистратов, полагая, что тем самым приближается обретение страной независимости, а сами эти органы — прообраз государственных структур новой Польши. Дворянство было искренне уверено, что, поддерживая французскую армию, оно служит своей отчизне. Представители французской военной администрации — интенданты, губернаторы, военные комиссары на первых порах были весьма довольны новыми органами власти в Беларуси.

Такая позиция дворянства Беларуси полностью соответствовала планам и интересам Наполеона. Он не давал никаких конкретных обещаний в отношении создания в будущем Польского государства в его пре-

жних границах, но поддерживал надежды на это, считая польских дворян основной политической силой в Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению его императорского высочества великого князя Михаила Александровича, под ред. К. Военского. СПб. : Тип. А. Ф. Штольценбурга, 1909. Т. 1: Литва и Западные губернии. 582 с.
2. Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812—1813 гг. Вильна : Губ. тип., 1913. Ч. 1: Переписка по военной части. VIII, 286 с.; Ч. 2: Переписка по части гражданского управления. 1, 128, 356 с.
3. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 37: Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. Вильна, 1912. Л., 544 с.
4. *Безотосный, В.* Секретная экспедиция / В. Безотосный // Родина. 1992. № 6—7. С. 22—25.
5. Двенадцатый год. Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-ю Западною армиею генерала от кавалерии А. П. Тормасова / Извлек из семейного архива и привел в порядок Д. П. Ахлестышев. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. VIII, 724 с.
6. *Дубровин, Н.* Русская жизнь в начале XIX века / Н. Дубровин // Русская старина. 1902. Т. 112. С. 5—33; 209—241; 417—450.
7. *Кабузан, В. М.* Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782—1858 гг. / В. М. Кабузан, С. М. Троицкий // История СССР. 1971. №4. С. 153—169.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 320. Оп. 1. Д. 12. Переписка канцелярии минского губернского предводителя дворянства с Минским губернским по военным делам присутствием.
9. НИАБ. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 1. Дело о выдаче владельцам облигаций за хлеб, поставляемый по военным требованиям для войск (28 апреля 1812 г. — 13 сентября 1813 г.).
10. *Орловский, Е. Ф.* Гродненская старина / Е. Ф. Орловский. Гродно, 1910. 346 с.
11. Полоцко-Витебская старина. Витебск : Изд. Витебской учёной архивной комиссии. Кн. 1. 1911. 384 с.; Вып. 3. 1916. 330 с.
12. [Радожицкий, И. Т.] Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. Артиллерии подполковника И... Р... / И. Т. Радожицкий. М. : Тип. Лазаревых Института восточных языков, 1835. Ч. 1: 1812 год. Война в России. 296, V с.
13. *Татищев, Ю. В.* Вильна и Литовские губернии в 1812—1813 гг. / Ю. В. Татищев // Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812—1813 гг. Вильна : Губ. тип., 1913. Ч. 2: Переписка по части гражданского управления. С. 1—128.
14. *Фирсов, Н. Н.* 1812 год в социально-психологическом освещении / Н. Н. Фирсов. М., 1913. 64 с.
15. *Jwaskiewicz, J.* Litwa w roku 1812 / J. Jwaskiewicz. Krakow i Warszawa : Wydawa Szymon Askenasy, 1912. 442 s.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 17 студзеня 2010.